

КОНСЕРВАТОРИЯ ВЛИЯНИЯ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Консерватория влияния

«Автор»

2026

Велирский В.

Консерватория влияния / В. Велирский — «Автор», 2026

В портовом городе Велена музыка определяет не только судьбы исполнителей. Некоторые партитуры создают «склон» — незаметно делают один из возможных выборов слушателя единственно верным. Девятнадцатилетняя настройщица Мира Ладен слышит дефекты инструментов лучше, чем мелодии, и первой замечает след тайной опорной партии. Расследование приводит её к Конкорду — главному концерту Свода, после которого город распределит воду, жильё и учебные места. Чтобы раскрыть механизм влияния, Мире придётся собрать команду людей, каждый из которых уже заплатил за чужое право дирижировать: утраченной памятью о собственных желаниях, семейным доверием или будущим в Консерватории. Но остановить музыку недостаточно. Если разрушить Свод, город лишится жизненно важных сигналов; если перехватить управление, Мира сама станет новым дирижёром чужой воли. Ей нужен способ вернуть слушателям право переслышать решение — не обещая, что свободный выбор окажется удобным.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Струна после тишины	6
Глава 2. Отсутствующая виолончель	10
Глава 03. Выбор без причины	16
Глава 04. Каталог стёртых тактов	22
Глава 05. Урок вкуса	27
Глава 06. След аварии	33
Глава 7. Братская нота	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Влад Велирский

Консерватория влияния

От автора

Музыку часто называют языком, которому не нужен перевод. В этом есть красота, но есть и тревожный вопрос: что происходит, когда услышанное не просто волнует или убеждает, а незаметно сдвигает границу между возможным и неизбежным?

«Консерватория влияния» выросла из этого вопроса. Её мир вымышлен: ни интервалы, ни настройка залов, ни скрытые партии не обладают описанной здесь силой. Но выборы героев узнаваемы. Мы доверяем мастерству, потому что оно умеет вести нас туда, куда мы не дошли бы в одиночку. Мы позволяем искусству менять себя — и всё же хотим сохранить право понять, что с нами произошло, отказаться и пересмотреть решение.

Это история не о злой музыке. Музыка в ней остаётся ремеслом, радостью, памятью и способом услышать другого. Опасность начинается там, где немногие присваивают себе право решать, какие чувства и выводы допустимы для всех остальных, а заботу превращают в оправдание тайной власти.

В центре романа — люди, чьи способности неполны поодиночке. Настройщица слышит дефекты, но не всю высоту. Исполнитель владеет сценой, но теряет собственные предпочтения. Архив хранит прошлое, акустика соединяет город, право даёт словам последствия. Им придётся не найти единственного спасителя, а научиться проверять друг друга и действовать вместе, не превращая доверие в покорность.

Эту книгу лучше читать, прислушиваясь не только к тому, что герои говорят, но и к причинам их решений. Иногда самая важная партия звучит не громче остальных. Иногда свобода начинается не с правильного ответа, а с возможности переслышать вопрос.

Глава 1. Струна после тишины

Малый зал не желал замолкать.

Мира сняла ладонь с корпуса рояля, задержала дыхание и снова ударила по ля — мягко, войлочным молоточком, которым настройщики будили струну, не тревожа соседние. Звук поднялся из чёрного дерева, коснулся позолоты балконов и угас. За ним осталась дрожь.

Не нота. Ноты Мира теперь угадывала хуже иных первогодков. Осталось другое: два звука трутся друг о друга, сходятся, расходятся, и между ними возникает пульс. Биение. Его она слышала даже там, где здоровое ухо принимало гладкую высоту и успокаивалось.

Пульс повторился семь раз.

Мира положила на деку ключ и сосчитала до десяти. В пустом зале за высокими окнами шёл дождь. Вода шуршала по стеклу, ветер пробовал медные желоба, старые кресла отвечали сухими щелчками. Ни один шум не совпадал с тем ровным, терпеливым толчком, который остался после ля.

До полуночи было двадцать три минуты. К утру мастер Корд подпишет акт настройки, а после полудня комиссия решит, возвращать ли Мире допуск к занятиям по композиции. В акте не существовало строки «зал отвечает после тишины». Были частота, влажность, натяжение, дата, подпись. Всё, что можно проверить и за что можно наказать.

Она ударила снова.

Семь биений.

— Нет, — сказала Мира роялю.

Голос вернулся от дальней стены слишком быстро.

Она замерла, затем хлопнула в ладони. Короткое эхо рассыпалось под потолком и пришло тремя отражениями. Первое — от сцены, второе — от балкона, третье должно было вернуться справа, от ряда деревянных панелей. Оно пришло слева.

Мира спустилась со сцены. Подошвы прилипали к натёртому полу: дневная прислуга перестаралась с воском. На центральном пюпитре лежала карточка приёмки зала. Мастер Корд оставил её лицом вниз, словно сам документ мог подслушать лишнее.

«Панели проверены. Резонаторы закрыты. Строй конкордный».

Последние два слова были вписаны свежими чернилами.

Конкорд состоится через шесть недель. Ради него в Своде меняли расписание, перекрывали лестницы и выносили из классов старые инструменты, будто сама консерватория должна была предстать перед городом молодой и безупречной. Мира никогда не слышала выражения «конкордный строй». У рояля был строй. У зала — время отклика, влажность, форма отражений. У торжественного концерта мог быть репертуар. Но два слова на карточке соединяли вещи, которые мастер Корд учил её не путать.

Она перевернула карточку обратно и направилась к правой стене.

Панели поднимались от пола до галереи: тёмный ясень, узкая золотая окантовка. Днём они казались одинаковыми. Ночью боковой свет выдавал работу рук — здесь лак лёг толще, здесь кромку снимали дважды, здесь шляпка шурупа хранила свежую царапину.

На третьей панели от сцены сургучная пломба была цела. На четвёртой тоже. Пятая отозвалась на костяшки глухо, шестая — чуть выше.

Мира вернулась к роялю за камертоном.

Стандартный мастерской лежал в открытом ящике: стальная вилка, круглая ножка, синяя нить у основания. Она прижала ножку к панели и ударила вилку ногтем. Металл задрожал. Дерево приняло звук.

На этот раз биений было восемь.

Мира переставила камертон на ладонь. Чисто. На раму кресла. Чисто. На соседнюю панель — чисто. На шестую — восемь ровных толчков, хотя дерево не могло изменить частоту стали.

За панелью звучало что-то ещё.

Она опустила на колени. В нижнем углу золотую окантовку пересекала нить тёмно-красного сургуча с печатью Свода: раскрытая ладонь над пятью линейками. Пломбу ставили после приёмки резонатора. Снять её имел право мастер в присутствии зрителя зала. Сломанная печать означала не замечание в акте, а нарушение внутреннего контура. После прошлой аварии Мире объяснили разницу достаточно подробно.

Она могла вызвать Корда.

Мастер придёт сонный и злой, проверит камертон, велит ей не путать усталость с дефектом. Если услышит биение сам, позовёт зрителя. Если не услышит — утром комиссия получит ещё одно доказательство, что Мира цепляется за профессию, которой её тело больше не соответствует.

Можно было вписать в акт: «требуется повторная проверка». Тогда зал закроют до полудня, а её допуск отложат. Не откажут — отложат. В Своде умели превращать отказ в коридор без дверей.

Мира поднялась и вернулась на сцену. Взяла карандаш. Написала на обороте черновой ведомости: «Шестая правая панель. Посторонний резонанс. Восемь биений на контрольной частоте». Поставила время.

Карандаш завис над подписью.

Верхняя дверь зала тихо стукнула.

Мира обернулась так резко, что край пюпитра врезался ей в бедро. На галерее никого не было. Только полоска света из коридора лежала под дверью, а над ней медленно качалась латунная ручка.

— Кто здесь?

Ответом стал дождь.

Она поднялась по боковой лестнице. На каждой ступени слушала не высоту скрипа, а расстояние между двумя деревянными голосами: старой доской и новой накладкой. У двери пахло мокрой шерстью. В коридоре горела одна лампа. Каменный пол блестел пусто до самого поворота.

Возле порога лежала тонкая канифольная крошка.

Мира коснулась её пальцем. Крошка была красноватой, почти цвета сургуча. Скрипачи чаще брали светлую. Тёмную держали виолончелисты: она лучше цепляла толстую струну и оставляла на чёрной одежде след, похожий на ржавчину.

Ива Сарен всегда носила такую в жестяной коробке из-под леденцов.

Это ничего не доказывало. В Своде учились двадцать семь виолончелистов. Девять пользовались тёмной канифолью. Мира знала, потому что чистила после них клавиатуры и ругалась, когда смола попадала в сукно механики.

Ива исчезла одиннадцать дней назад.

Не «исчезла», поправляли в канцелярии. Взяла академический отпуск по семейным обстоятельствам. Освободила комнату. Передала инструмент на хранение. Не попрощалась с сестрой, не забрала зимнее пальто и не вернула Мире маленький разводной ключ, который выпросила на одну ночь. Но официальные слова лежали ровно, как чистая крышка над сломанной механикой.

Мира заперла дверь изнутри.

У шестой панели она снова опустила на колени. Пломба блестела в свете переносной лампы. Если Ива была здесь сегодня, значит, канцелярия лгала. Если крошка лежала одиннадцать дней, ночная уборка Малого зала тоже существовала только в ведомости.

Мира вынула из кармана складной нож.

После аварии она дала себе три правила. Не вести ансамбль. Не касаться неизвестной настройки без свидетеля. Не принимать решение, пока в ушах остаётся пульс.

Семь биений ударили из памяти — медленно, будто кто-то отсчитывал её осторожность. Она закрыла нож.

Вызвать Корда. Записать дефект. Дождаться утра.

Правильные действия сложились одно к одному и образовали путь, на который удивительно легко было поставить ногу. Мира представила, как мастер снимет панель сам. Как смотритель заберёт найденное. Как в журнале появится строка, которую ей не покажут. Как к полудню шестая панель будет звучать чисто, а комиссия спросит, почему она снова услышала то, чего нет.

Решение казалось не просто разумным. Единственно возможным.

Мира нахмурилась.

Она знала собственную осторожность. Та не была гладкой. Обычно в ней спорили страх, злость, расчёт, стыд. Сейчас сомнения стояли по другую сторону прозрачной стены, видимые и совершенно безвесные.

Из-за панели пришёл ещё один толчок.

Мира подняла камертон и ударила его о колено. Вилка запела. Она поднесла её к сургучу, затем медленно отвела.

Биения участились у самой печати.

— Хорошо, — прошептала она. — Тогда проверим неразумное.

Лезвие вошло под сургуч. Печать треснула поперёк ладони.

Звук был крошечным, но Мира услышала его во всём зале.

Она подцепила окантовку, выкрутила два шурупа и потянула панель на себя. Та оказалась тяжелее, чем должна. С обратной стороны к дереву были прикреплены узкие свинцовые полосы. Между ними натянули тонкие струны, слишком слабые для самостоятельного звучания. Они ловили дрожь стены и передавали её в небольшую латунную коробку.

Такого устройства не было ни в одном плане.

Мира коснулась крайней струны тупой стороной ключа. В рояле на сцене ответило ля.

Не само по себе — конечно, нет. Открытая струна могла принять колебание через пол и раму. Но путь был рассчитан. Панель, свинец, латунная камера, половицы, ножка рояля. Кто-то настроил зал так, чтобы слабый звук находил нужную струну через полкомнаты.

В латунной коробке имелаась крышка. Мира сдвинула защёлку.

Внутри лежал камертон.

Не мастерской. Рукоять обмотана зелёной нитью, на вилке возле основания выцарапаны две буквы: И. С. Мира сама делала эту отметку, когда Ива в третий раз унесла чужой камертон и клялась, что зелёную нить ни с чем не спутает.

К горлу подступил сухой холод.

Она взяла находку за ножку. Металл был тёплым.

На дне коробки белела сложенная полоска бумаги. Мира развернула её. Нот не было, только пять горизонтальных линий, пересечённых неровными вертикальными штрихами. Между ними — слова, продавленные так сильно, что перо местами разорвало лист.

«Если решение кажется самым твоим — ищи вторую партию».

Сверху, над первой линейкой, стояла дата исчезновения Ивы.

Мира прочитала фразу ещё раз. Потом приложила лист к переносной лампе. На обороте проступили зеркальные вмятины: Ива писала его поверх другого листа. Разобрать удалось одно слово — «отказ» — и начало фамилии, похожее на «Ве».

В коридоре повернулся ключ.

Мира сложила записку вчетверо и спрятала под ремешок часов. Камертон Ивы убрала во внутренний карман рабочей куртки. Панель невозможно было вернуть незаметно: сургуч расколот, шурупы лежали на полу, латунная коробка зияла пустотой.

Дверь на галерею не открылась.

Ключ повернулся ещё раз, медленнее. Кто-то снаружи проверял замок.

Мира схватила ведомость и приписала под временем: «Пломба вскрыта мной после обнаружения незарегистрированного резонатора». Теперь нарушение имело имя. Её имя.

Полоска света под дверью погасла — человек в коридоре заслонил лампу.

— Мира Ладен? — спросил мужской голос.

Не мастер Корд. Голос был слишком ровным и слишком молодым.

Она посмотрела на рояль. Крышка поднята, клавиши белеют в темноте. Между нею и нижним выходом — весь зал. Можно уйти через сценическую дверь, если та не заперта. Можно ответить и сделать вид, что ничего не произошло.

За стеной скрытые струны дрогнули без прикосновения.

Семь биений.

На этот раз Мира не стала ждать восьмого.

Глава 2. Отсутствующая виолончель

Сценическая дверь поддавалась только со второго толчка.

Мира протиснулась в щель, придерживая карман с камертоном Ивы, и оказалась в узком проходе между задником Малого зала и стеной мастерских. Здесь пахло пылью, мокрой верёвкой и железом противовесов. Над головой уходили в темноту канаты. Если молодой голос у верхней двери принадлежал зрителю, через минуту он догадается спуститься к сцене. Если не зрителю — тем более.

Она не побежала. Бег выдавал направление громче шагов. Сняла рабочие туфли, связала их шнурками и пошла в чулках по холодному камню, обходя доски, которые знала по скрипу. За кулисой щёлкнул замок. Луч ручного фонаря пересёк занавес и исчез.

— Запись вы всё равно оставили, — сказал тот же голос.

Мира замерла у поворота.

Голос не приближался. Он ждал ответа так уверенно, словно коридор уже принадлежал ему.

— Значит, знаете, где меня искать, — сказала она.

Фонарь снова скользнул по занавесу. Мира бросила туфли в боковой проход. Они стукнули о стену, и свет метнулся за звуком. Сама она открыла низкую дверцу под лестницей, нырнула в мастерскую футляров и закрылась среди запаха клея и старой кожи.

До двора она добралась через окно для проветривания. Дождь сразу промочил чулки. За решёткой Малого зала мелькнул огонь, но никто не окликнул её. Мира пересекла служебный двор, перелезла через цепь у угольного въезда и только под аркой позволила себе вдохнуть глубоко.

В кармане камертон ударился о пуговицу.

Он был холодным.

Тепло в латунной коробке не могло сохраниться долго. Значит, либо Ива положила его туда совсем недавно, либо незарегистрированный резонатор нагревал металл. Оба объяснения требовали вернуться. Мира выбрала третье: сначала выяснить, действительно ли Ива уехала.

К общежитию она пришла после семи. Утренний колокол Свода ещё не прозвучал, зато на кухне первого этажа уже гремели крышками. Студенты, жившие по расписанию репетиций, завтракали тогда, когда прочие жители Велены только растапливали печи.

Комната Ивы находилась на четвёртом этаже, в конце виолончельного крыла. Мира поднялась туда по чёрной лестнице. На площадках сушились ноты, прихваченные к верёвкам бельевыми зажимами; снизу тянуло овсяной кашей, сверху — канифолью и шерстью.

На двери сорок седьмой комнаты не было таблички. Светлый прямоугольник на краске показывал, где она висела. Замочная скважина была залеплена серым воском комендантской печати.

Соседняя дверь открылась прежде, чем Мира постучала. Девушка с фаготовым футляром, прижатом к ночной рубашке, посмотрела на печать, затем на Миру.

— Ива оставила мне книгу, — сказала Мира. — Я пришла забрать.

— Она всё увезла.

— Даже мою книгу?

Девушка нахмурилась, будто вопрос нарушал порядок слов.

— Ива Сарен добровольно взяла академический отпуск по семейным обстоятельствам.

— Когда?

— По семейным обстоятельствам.

— Я спросила когда.

Фаготовый футляр медленно сполз у неё по плечу. Девушка подхватила ремень.

— Одиннадцать дней назад. Наверное. Я не смотрела число.

— Ты видела, как она собиралась?

— Она добровольно взяла академический отпуск.

Теперь фраза прозвучала без ошибки и без смысла. Девушка произнесла её быстрее, чем могла решить, хочет ли отвечать.

— А виолончель?

— Передала на хранение.

— Кому?

Девушка посмотрела на пустое место таблички.

— Я опаздываю.

Она ушла вниз, придерживая футляр обеими руками. На третьей ступени остановилась, словно хотела вернуться, но утренний колокол ударил первый раз. Девушка вздрогнула и продолжила спуск.

Мира постучала ещё в четыре комнаты.

Скрипач с перевязанным запястьем сказал: «взяла академический отпуск по семейным обстоятельствам» и не смог вспомнить, кто вынес футляр. Две сестры с валторнами повторили фразу хором, но одна считала, что Ива уехала утром, другая — ночью. Староста этажа уверял, что лично принял ключ, однако в книге дежурств подписи Ивы не было. Когда Мира указала на пустую строку, он провёл ногтем по бумаге и сказал:

— Значит, документ оформили в канцелярии. Она добровольно взяла академический отпуск по семейным обстоятельствам.

— Ты сейчас вспомнил это или прочитал где-то?

Староста поднял голову.

— Какая разница?

— Между памятью и объявлением? Небольшая. Пока объявление не начинает вспоминать вместо тебя.

Он захлопнул книгу.

Мира вернулась к сорок седьмой комнате. На полу у порога сохранились две дуги от широких колёсиков футляра, но пыль между ними лежала нетронутой. Инструмент выкатывали давно или не выкатывали вовсе. Зато на стене возле шкафа был свежий след от тяжёлого прямоугольного предмета: кто-то вынес чемодан либо большой ящик.

Под батареей белел комок бумаги. Мира подцепила его линейкой из кармана. Это оказалась половина ведомости камерного класса. В верхней строке стояло имя Сая Ортена, ниже — Ивы. Напротив каждого названия были указаны даты, аудитории и составы. Последняя запись Ивы: «Этюд на выдержанную паузу. Партия виолончели, партия фортепиано». Рядом чужой рукой приписано: «зачтено без исполнения».

Без исполнения этюды не засчитывали.

Мира сложила ведомость и убрала отдельно от записки. Сай не станет помогать из дружбы. Дружба между ними закончилась в тот вечер, когда она повела ансамбль дальше после первого неправильного отклика зала. Но он ненавидел исправленные оценки сильнее, чем её.

Она нашла его в классе двадцать два.

Сай сидел за роялем, не играя. Перед ним стояла чашка, в которой чай давно перестал дымиться. На пюпитре лежало приглашение на сольное прослушивание — плотная белая карточка с золотым обрезаем. Верхний угол был надорван.

— Если комиссия увидит тебя здесь до решения о допуске, — сказал он, не оборачиваясь, — они решат, что ты опять ищешь сцену.

— Я ищу виолончель.

— В рояле?

— Ты играл с Ивой последний этюд.

Сай взял чашку, заглянул внутрь и поставил обратно.

— Она уехала.

— Добровольно взяла академический отпуск по семейным обстоятельствам?

Его плечи едва заметно поднялись.

— Примерно так.

— Именно так говорят все, кто не видел её отъезда.

— А как должны говорить люди, не видевшие отъезда?

Мира положила половину ведомости на край рояля. Сай прочитал приписку и коснулся надорванного угла приглашения.

— Этюд зачили без исполнения, — сказала она. — Но ты был указан в составе.

— Я репетировал с ней.

— Когда в последний раз?

— Двенадцать дней назад.

— Что в нём было?

— Паузы.

— Это я вижу из названия.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он наконец повернулся. После аварии Сай говорил с Мирой так, будто любой лишний вопрос мог оказаться палочкой дирижёра. До неё он был единственным человеком, который позволял ей поправлять его посадку посреди фразы и не принимал это за унижение. Теперь держал руки на виду.

Мира вынула камертон Ивы.

Зелёная нить остановила его взгляд.

— Где?

— В Малом зале.

— Она оставила его тебе?

— Не мне.

— Тогда кому?

— Сыграй этюд.

Сай коротко рассмеялся.

— Ты приходишь с вещью пропавшей девушки, ничего не объясняешь и просишь меня играть. Очень знакомая последовательность.

— В прошлый раз я просила тебя продолжить. Сейчас прошу остановиться там, где написано.

Смех исчез.

Мира не стала оправдываться. Она знала, какой момент он вспомнил: сцену, жар под софитами, её поднятую руку после первого гула и второй взмах, который должен был вернуть ансамбль в строй. Вместо этого балкон ответил всей массой дерева. Трое упали. Сай потерял сознание у рояля, а Мира проснулась через два дня с миром, рассыпанным на звуки, которым она больше не могла дать имена.

— Партия в шкафу, — сказал он.

Ноты лежали между сборником гамм и пустой папкой. На листах не было ни названия, ни имени автора — только две страницы для фортепиано и отдельный голос виолончели. Сай поставил партию на пюпитр.

— Ива принесла копию. Сказала, нашла в учебном архиве.

— Ты запомнил музыку?

— Я запоминаю то, что играю.

— Тогда сыграй без листа.

— Зачем?

— Хочу увидеть, совпадут ли паузы.

Это было правдой, только не всей. Сай услышал недостающее.

— Что ещё ты хочешь увидеть?

— Сыграй.

Он мог выставить её за дверь. Вместо этого аккуратно сложил приглашение на прослушивание и убрал под крышку рояля.

Первый аккорд прозвучал сухо. Класс двадцать два был слишком мал для концертного инструмента: бас упирался в стену, верхние ноты отскакивали от окон. Сай играл без удовольствия, но точно, отделяя каждую фразу. Мира села боком к роялю и положила пальцы на деревянную панель под клавиатурой.

Она не пыталась узнать мелодию. Слушала механическое дыхание: молоточки, демпферы, отдачу деки. После шестнадцати тактов левая рука Сая застыла над клавишами.

Пауза.

Правая продолжила одинокую линию и тоже остановилась.

В нотах молчание длилось четыре такта. Однако дека не замерла. Из стены вернулся слабый ответ, слишком низкий для соседнего класса и слишком ровный для водяной трубы. Мира сосчитала удары пульса. На третьем такте Сай чуть повернул голову к двери.

На четвёртом его правая рука сама легла на следующий аккорд.

Он продолжил.

Вторая пауза пришлась через страницу. Теперь молчали обе руки восемь тактов. Мира вынула камертон Ивы, не ударяя, и прижала ножку к боковой стенке рояля. Вилка дрогнула от деки. Сквозь паузу проступили короткие пульсации: не ноты, а места для нот, будто в запертой комнате кто-то бесшумно нажимал клавиши.

Сай вдохнул и задержал воздух.

За дверью прошли двое студентов. Один спорил о расписании, другой смеялся. На шестом пустом такте оба умолкли. На восьмом их шаги разошлись: один свернул к лестнице, хотя минуту назад требовал идти в столовую.

Сай ударил заключительный аккорд и сразу снял руки.

— Ещё раз, — сказала Мира.

— Нет.

— На первой паузе ты посмотрел на дверь.

— Там кто-то шёл.

— До шагов.

— Значит, услышал раньше тебя.

— Что услышал?

Он открыл рот и не ответил.

Мира взяла со стола две одинаковые деревянные прищепки для нот. Одну положила слева от чашки, вторую справа.

— Выбери любую.

— Я не твой опыт.

— Поэтому можешь отказаться.

— Я уже отказался.

Он посмотрел на левую прищепку.

Мира ударила камертон Ивы о ладонь и поднесла к стенке рояля. Чистый металлический звук быстро ушёл в дерево. Из стены пришло слабое биение. Сай перевёл взгляд направо.

— Теперь выбери.

— Правую.

Он взял её двумя пальцами. Мира накрыла ладонью вилку, глуша звук.

— Почему правую?

— Она ближе.

Обе лежали на одинаковом расстоянии.

Сай увидел это. Его пальцы сжались, прищепка треснула поперёк.

— Ты знала.

— Подозревала.

— И не сказала, что проверяешь меня.

— Если бы сказала, ты следил бы за выбором.

— Именно. Это называется согласие.

Слово ударило точнее упрёка. Мира убрала камертон в карман.

— Прости.

— Ты всегда просишь прощения после того, как получишь нужный ответ.

— А ты всегда замечаешь это после.

Она пожалела о словах раньше, чем договорила. Сай отодвинулся от рояля.

— Что было в Малом зале?

Теперь вопрос задавал не бывший партнёр. Исполнитель, обнаруживший чужую руку внутри собственного решения.

Мира рассказала о панели, резонаторе и записке. Не показала саму записку, но повторила фразу точно. Сай слушал, разламывая треснувшую прищепку на всё более мелкие куски.

— В этюде есть вторая партия, — сказал он. — Не написанная здесь.

— Пустые такты оставляют ей место.

— Нет. Они оставляют место слушателю. Партия может звучать всё время, но в паузе мы перестаём заслонять её собой.

Мира посмотрела на стену. За штукатуркой проходил старый вентиляционный канал, соединявший классы этого крыла с репетиционным залом. Настроенное пространство не обязано было ограничиваться одной комнатой.

— Почему Ива выбрала тебя?

Сай сгреб обломки прищепки в ладонь.

— Потому что я должен был сыграть на прослушивании вчера.

Он достал приглашение и положил поверх нот. Внизу стояла строка: «Кандидат подтверждает участие до полудня».

— Ты не подтвердил.

— Нет.

— Почему?

— Решил, что не хочу.

— Ты хотел это соло с первого курса.

— Люди передумывают.

— Из-за чего передумал ты?

Сай смотрел на карточку. За окном второй колокол созвал студентов в классы. По коридору потекли голоса, хлопнули двери, кто-то начал гамму. Он провёл пальцем по золотому обреза и медленно качнул головой.

— Не знаю.

— Испугался комиссии?

— Нет.

— Заболела рука? Поссорился с педагогом? Услышал другого кандидата?

— Я помню утро. Помню, как стоял перед канцелярией. Помню перо в руке. Потом положил карточку в карман и ушёл. Это казалось правильным.

— Почему?

Он поднял на неё глаза.

— Я только что сказал: не знаю.

В классе стало тесно от всех звуков, которые продолжались за стенами. Гамма наверху. Виолончельный открытый звук через две двери. Три удара молотка из мастерской. Между ними Мира различила пустоту — не тишину, а отсутствие причины там, где она должна была быть.

Сай закрыл крышку клавиатуры.

— Ты больше не проверяешь меня без предупреждения.

— Согласна.

— Все находки показываешь мне.

— Нет.

— Тогда я иду в ректорат и рассказываю про камертон.

— Они заберут его.

— Значит, тебе придётся включить меня раньше.

Мира почувствовала знакомое желание подобрать фразу под человека: напомнить Саю об аварии, надавить на его стыд, предложить ровно ту часть правды, которая заставит его согласиться. Она знала его паузы не хуже рояльных. Знала, что после резкого ответа нужно молчать пять ударов сердца, и он сам заполнит пространство уступкой.

Пять ударов прошли.

Мира не воспользовалась паузой.

— Хорошо, — сказала она. — Но не потому, что ты мне угрожаешь. Ты слышишь то, чего я больше не слышу. Я слышу то, что ты принимаешь за музыку. По отдельности мы уже ошиблись.

Сай высыпал обломки прищепки в пустую чашку.

— Это не доверие.

— Нет.

— Пока достаточно.

Он взял со шкафа пальто и спрятал приглашение во внутренний карман.

— Куда мы идём?

Мира вынула ведомость Ивы и разгладила на крышке рояля. Под записью об этюде стоял шифр архивной полки. Печать сорок седьмой комнаты, исчезнувший чемодан, зачёт без исполнения — всё указывало не на отъезд, а на тщательно заполненное место, где должен был находиться факт.

— Сначала туда, где бумага умеет забывать, — сказала она. — В нотохранилище.

Сай открыл дверь и остановился.

В коридоре на доске объявлений висел свежий лист с печатью ректората. Его ещё не успели приколоть ровно. Заголовок сообщал об академическом отпуске Ивы Сарен. Ниже была напечатана единственная причина: семейные обстоятельства.

В самом низу стояла вчерашняя дата.

Глава 03. Выбор без причины

Сай не боялся сцены.

Эту фразу он повторил про себя, пока они с Мирой спускались из общежития, пересекали залитый серым утром двор и входили в учебное крыло. Она не спорила. Именно молчание раздражало сильнее возражений: оставляло его наедине с доказательством, которое он ещё не успел придумать.

В кармане пальто шуршало приглашение на прослушивание. Карточка была достаточно плотной, чтобы не сгибаться, и достаточно лёгкой, чтобы он перестал замечать её ещё вчера. Сейчас золотой край тёрся о костяшки при каждом шаге.

— Кладовая за классом четырнадцать, — сказал он. — Там нет общей стены с залами.

— И рояля там нет.

— Есть дорожное пианино. У него не держится строй, две клавиши западают, педаль скрипит. Если твоя невидимая партия переживёт это, я сам отнесу камертон ректору.

Мира остановилась у лестничной площадки.

— Мой камертон?

— Ивин. Ты нашла его, но твоим он от этого не стал.

Она кивнула, принимая поправку. Раньше непременно ответила бы, что точность формулировки не меняет дела. После сломанной прищепки она будто проверяла каждое слово на чужую свободу и от этого говорила медленнее.

— Что именно ты хочешь доказать? — спросила она.

— Что я испугался прослушивания. Что решил не идти сам, а ваша штука в стене совпала с этим решением.

— Почему тогда не помнишь страха?

— Потому что не обязан хранить протокол каждого унижения.

Сай пошёл дальше, не дожидаясь ответа. Он знал, что сказал слишком громко: у окна обернулась первокурсница с кипой хоровых партий. Пусть оборачивается. Страх перед комиссией был понятен. Он даже выглядел достойнее, чем пустота.

Ключ от кладовой висел в учительской на доске, и Сай взял его под подпись. В графе «цель» написал: «проверка инструмента». Мира проследила за пером.

— Теперь запись есть, — сказал он.

— Вижу.

— И будет ещё одна. С условиями проверки.

Кладовая пахла мокрым сукном, клеем и мышинной пылью. Между стойками для нот теснились футляры с учебными трубами, складные стулья и три рулона выцветшего сценического занавеса. Дорожное пианино стояло у наружной стены под маленьким окном. Когда Сай поднял крышку, среднее до осталось внизу, словно клавиша не захотела участвовать.

Он отодвинул от стены ящик с метрономами и освободил Мира место у инструмента.

— Сначала проверяешь комнату, — сказал он. — Я вижу всё, что ты делаешь. Потом играю этюд один раз без камертона. Ты ничего не добавляешь. После этого мы повторяем в классе двадцать два при тех же условиях.

— Класс мог измениться со вчерашнего дня.

— Тогда Малый зал.

— Он опечатан после моего вскрытия.

— Ты уже умеешь вскрывать пломбы.

— Второй раз это будет не поиск улики, а сознательное нарушение.

— Первый раз тоже был сознательным.

Мира посмотрела на него, и он приготовился услышать объяснение. Вместо этого она достала из сумки лист и записала предложенные условия.

— Камертон не используем нигде, — сказала она. — Иначе меняется больше одной переменной. Ты играешь одинаково, насколько возможно. Я проверяю только физический отклик помещения. После каждого исполнения ты вслух называешь, что чувствуешь по поводу прослушивания. Я записываю дословно. Ты можешь остановиться до любого такта и забрать лист.

— А если ты решишь, что я вру?

— Отмечу, что не могу проверить ответ. Не стану подсовывать тебе выбор.

Он прочитал запись дважды. Внизу Мира оставила место для подписей.

— Ты не подписываешь, — сказал Сай. — Подпись делает это похожим на официальный опыт. Мы не имеем права его проводить.

— Хорошо.

Она перечеркнула строки. Это тоже раздражало: раньше пришлось бы отстаивать каждое условие, а сейчас Мира уступала там, где уступка оставляла ему ответственность.

Сай поставил на пюпитр копию этюда. Отдельный голос виолончели остался в папке. Играть его было некому, а записанное в нём и вчера почти не имело значения. Значение возникало в паузах.

Мира обошла кладовую. Не простукивала стен и не прижимала ухо к дереву, а ставила на пол короткую металлическую линейку, ударяла ногтем по её краю и следила за затуханием. У наружной стены звук умирал сразу. Возле двери дрожал чуть дольше из-за пустой рамы. Под пианино она обнаружила отклеившуюся дощечку, но за ней лежали только войлок и дохлый жук.

— Связного ответа нет, — сказала она. — Комната не настроена.

— Это можно было понять по запаху.

— Запах не оставишь в ведомости.

Сай сел. Табурет оказался ниже привычного, колени поднялись, и пришлось отодвигаться. Он сыграл несколько гамм, обходя запавшую клавишу. Инструмент отвечал рыхло; каждая нота словно добиралась до него через чужую комнату.

Это было хорошо. Плохой инструмент не позволял прятаться в красоте звука.

— До исполнения, — напомнила Мира. — Что ты чувствуешь по поводу прослушивания?

— Облегчение, что отказался.

— Причина?

— Страх провала.

— Как он проявлялся?

Сай положил руки на колени.

— Это уже допрос.

— Это проверяемая часть твоей версии. Я не знаю, как у тебя проявляется страх.

Он знал. Перед важными выступлениями холодели пальцы, и он грел их о чашку. Накануне аварии его тошнило от запаха грима. Перед первым сольным экзаменом он трижды возвращался к двери общежития, уверенный, что забыл ноты, хотя партия лежала в руках.

Вчера ничего такого не было.

Он помнил утреннее солнце на перилах канцелярии. Помнил перо, оставившее синюю точку на среднем пальце. Помнил, как женщина за столом сказала, что подтверждения принимают до полудня. Он поблагодарил её, убрал карточку и пошёл завтракать. В столовой выбрал кашу вместо яиц. Потом занимался три часа, словно прослушивание больше не касалось его.

— Не помню, — сказал он.

Мира записала только эти два слова.

Сай начал этюд.

Пианино не принимало вес рук, а глотало его. В басу две струны расходились так сильно, что получался почти отдельный голос. Сай удерживал темп, не исправляя инструмент и не приукрашивая фразы. На шестнадцатом такте обе руки разошлись к краям клавиатуры.

Первая пауза.

Слышно было, как дождь царапает маленькое окно. Внутри пианино лениво затухала расстроенная струна. За стеной хлопнула наружная дверь. Никакого ровного биения, никакого предчувствия следующего аккорда.

Сай сосчитал четыре такта и продолжил.

Вторая пауза длилась восемь. Он ждал того внутреннего толчка, после которого вчера правая рука сама нашла продолжение. На пятом такте захотелось сыграть раньше — но лишь потому, что молчание казалось неловким и Мира стояла рядом. На шестом он назвал ей мог бы задержаться. Оба желания были узнаваемы. Оба имели причины.

Заключительный аккорд вышел грязным: запавшее до вернулось с опозданием.

— Теперь? — спросила Мира.

Сай посмотрел на приглашение, которое положил поверх футляра.

— Я хочу пройти прослушивание.

Слова вернулись слишком легко. Не как открытие, а как предмет, который всё время лежал на прежнем месте, пока кто-то запрещал на него смотреть.

— Причина?

— Я готовился два года. Мне нужна сольная партия на Конкорде. Я хочу, чтобы комиссия наконец сравнивала меня не с моей семьёй и не с аварией, а с тем, как я играю.

Мира записала. Не подняла головы и не сказала, что это противоречит его прежним словам.

— Ещё, — потребовал он.

— Это был один повтор по твоим условиям.

— Значит, меняем условия. Я сыграю снова.

— Зачем?

— Проверить, не вернётся ли облегчение.

— Тогда ты уже знаешь, чего ждёшь. Чистого сравнения не будет.

— Не называй это чистым. Мы сидим в кладовой сдохлым жуком и инструментом, который старше ректора.

Мира отложила карандаш.

— Ты можешь считать первый ответ достаточным.

— Могу. Но не считаю.

Он сыграл этюд второй раз. Теперь паузы не были пустыми: в каждой копились дождь, боль в пояснице, желание закончить и злость на среднее до. Никакой из звуков не подталкивал к выбору. После финала он снова произнёс, что хочет на прослушивание, и назвал те же причины, только добавил одну:

— И я не хочу, чтобы мой отказ достался тому, кто его во мне оставил.

— Это уже другая причина, — сказала Мира.

— Моя.

Она записала и эту фразу.

Сай снял ноты с пюпитра. Победа должна была принести облегчение: страх оказался ложным объяснением, а желание никуда не исчезло. Вместо облегчения внутри росла ярость. Если в кладовой выбор вернулся, то вчерашнее спокойствие перед канцелярией принадлежало не ему. Но и назвать его совершенно чужим он не мог. Никто не заставлял его мечтать о тишине после двух лет подготовки. Кто-то лишь сделал эту тишину единственным разумным выходом.

— Теперь класс двадцать два, — сказал он.

— Там начались занятия.

— После занятий.

— К тому времени ты успеешь подать подтверждение.

Он достал карточку. Внизу стояло: «до полудня следующего дня после получения». Он всегда читал эту строку как «до полудня вчера». Сейчас увидел тонкую звёздочку и продолжение на обороте: если приглашение вручено после закрытия канцелярии, срок переносился. Карточку принесли ему вечером.

До полудня оставалось сорок минут.

Сай засмеялся. Смех прозвучал так резко, что Мира отступила на шаг.

— Я даже срок прочитал неправильно.

— Это могло быть невнимательностью.

— Перестань оставлять им оправдания.

— Я оставляю их нам. Один опыт в кладовой не доказывает, кто воздействовал, когда и чем.

— Зато доказывает, что я хочу участвовать.

Он нашёл на ящике чистый лист инвентарной бумаги и написал: «При исполнении этюда вне настроенного учебного помещения решение отказаться от сольного прослушивания перестало казаться моим предпочтением. Причину прежнего решения восстановить не могу». Поставил дату, время и имя.

Мира прочитала через его плечо.

— Не отдавай это комиссии.

— Ты хотела запись.

— Для нас. Комиссия может расценить провал причины как непригодность к сольной партии.

— Если промолчу, тот, кто это сделал, сможет повторить во время прослушивания.

— Если отдашь лист сейчас, тебя могут не допустить вовсе.

— Значит, это мой риск.

Сай сложил запись вместе с приглашением.

— Ты уверена, что в этой комнате этюд не действует?

— Я уверена только в отсутствии связного отклика. И в том, что твои ответы изменились.

— Достаточно.

— Для решения — возможно. Не для доказательства.

Он запер кладовую и вернул ключ. В учительской на доске рядом с его подписью уже висела записка заведующей: «Инструмент из помещения не выносить». Сай отметил время возврата, чтобы никто не мог сказать, будто опыт происходил в другом месте.

До канцелярии они дошли за семь минут. У двери стояли трое приглашённых: скрипачка повторяла пассаж по воздуху, валторнист держал руки под мышками, певица шептала гласные. Сай с облегчением узнал их страх. Здесь он был видимым: в дыхании, пальцах, ненужных движениях.

Женщина за столом приняла карточку и потянулась за печатью.

— Вы всё-таки подтверждаете?

— Да.

— Вчера вы были уверены в обратном.

— Вчера я не мог назвать причину.

Он положил рядом свой лист.

Женщина прочла первую строку и убрала руку от печати.

— Это заявление на медицинский пересмотр?

— Это свидетельство о возможном воздействии помещения на решение участника.

Скрипачка перестала играть пальцами. Валторнист вытащил руки и посмотрел на дверь, будто прикидывал путь назад.

— Молодой человек, — сказала женщина тише, — если вы сомневаетесь в способности отвечать за собственные решения, комиссия обязана приостановить допуск.

У Сая снова появилась возможность забрать лист. Сказать, что это неудачная формулировка. Получить печать, сохранить карьеру и продолжить расследование тайно, как хотела Мира.

Он оглянулся на неё. Она стояла в стороне и не делала ни условного движения, ни того едва заметного вдоха, которым раньше задавала ему вступление.

— Я отвечаю за решение подать заявление сейчас, — сказал Сай. — И именно поэтому фиксирую, что не могу ответить за вчерашнюю причину. Приостанавливайте, если ваше правило требует.

Женщина взяла оба листа.

Печать опустилась не на приглашение, а на свидетельство.

— До рассмотрения вы не допускаетесь к репетициям сольной программы в настроенных залах. Ожидайте вызова.

— Подтверждение участия принято?

Она долго смотрела на карточку, затем поставила вторую печать.

— Принято с приостановлением допуска.

Карьеру можно было потерять множеством способов. Сай всегда представлял себе фальшивую ноту, травму руки, чужое превосходство. Он не думал, что однажды сам положит на стол доказательство против себя и почувствует не стыд, а возвращение веса собственным словам.

В коридоре Мира спросила:

— Почему ты не забрал заявление?

— Потому что хотел забрать.

— Не понимаю.

— В кладовой я мог назвать оба желания. Подать и промолчать. Здесь тоже мог. Значит, выбор был мой, даже если плохой.

Она коснулась кармана, где хранился камертон Ивы.

— А вчера?

— Вчера оставался один вариант, и я не мог объяснить его даже себе.

Сай впервые произнёс это без попытки заменить пустоту страхом.

— Слуховой шов, — сказала Мира.

Термин прозвучал некрасиво, почти ремесленно. Так и должно было быть. Красивое название превратило бы повреждение в редкий дар.

— Запиши, — сказал он. — Но рядом напиши, что я сам это признал.

Они вернулись к мастерским. Чтобы пройти в класс двадцать два после занятий, нужно было договориться с мастером, а для Малого зала — выяснить судьбу пломбы. Сай уже составлял список: время, помещение, состояние инструмента, присутствующие. Теперь он понимал, зачем Мира записывала каждое касание. Не потому, что бумага была честнее памяти. Просто бумагу труднее заставить одновременно забыть причину и сохранить уверенность.

У входа в мастерскую толпились настройщики. На центральном столе лежал большой конверт с чёрной печатью ректората. Мастер Галь разрезал его ножом для войлока, прочёл первый лист и выругался без звука.

— Что случилось? — спросила Мира.

Галь повернул документ к ней. Под гербом Свода стояли подпись Ардена Вейра и сегодняшнее число.

«В связи с нарушением утверждённой акустической конфигурации Малого зала предписываю мастерской незамедлительно восстановить помещение в конкордном строе. Работы

начать до полудня. Изъятые либо перемещённые элементы вернуть без изменения. Присутствие посторонних запрещено».

Ни слова о проверке скрытого резонатора. Ни слова о том, зачем залу особый строй. Только требование вернуть всё точно туда, где Мира нашла камертон Ивы.

— До полудня осталось двадцать две минуты, — сказал Галь. — Ладен, ты вскрыла панель. Покажешь, что трогала.

— А если это улика? — спросил Сай.

Мастер впервые заметил его.

— Тогда через двадцать две минуты она снова станет частью зала.

Мира взяла со стола ведомость работ. Сай ожидал, что она откажется, спрячет камертон или потребует свидетелей. Вместо этого она написала своё имя в строке допуска.

— Я покажу каждую деталь, — сказала она. — И запишу каждую, которую нас заставят вернуть.

Сай поставил имя рядом.

— Ты отстранён от настроенных залов, — напомнила Мира.

— От репетиций сольной программы. Я умею читать точные формулировки. Иногда со второго раза.

За окнами ударил четвертной колокол. Мастерская пришла в движение: раскрылись ящики, зазвенели ключи, кто-то покати́л тележку к Малому залу. Приказ ректора превращал их единственное доказательство в работу, которую следовало закончить быстро и без посторонних.

Сай взял пустую ведомость и пошёл вслед за Мирой.

Глава 04. Каталог стёртых тактов

К тому времени, когда тележка мастерской добралась до Малого зала, чёрная пломба на двери уже была срезана.

Мира остановилась на пороге. Вчера она оставила здесь собственную ломаную печать и подпись в ведомости. Теперь на косяке висел новый ярлык ректората: «Восстановительные работы». Нарушение превратилось в ремонт быстрее, чем канцелярия успела опросить нарушителя.

— Кто открыл? — спросила она.

Мастер Галь показал приказ.

— Представитель ректората. Был здесь до нас.

— Имя?

— В приложении нет.

Сай разложил на первом ряду чистые листы. После канцелярии он двигался слишком спокойно, будто приостановленный допуск освободил место, которое прежде занимало ожидание комиссии.

— Запишем: открыто до прибытия мастерской, — сказал он.

Галь нахмурился.

— Записывайте детали, а не подозрения.

— Это деталь.

Мира подошла к шестой правой панели. Латунная камера находилась на месте, но камертон Ивы и записка лежали у неё в сумке. Свинцовые полосы были сдвинуты: вчера верхняя касалась края рамы, теперь между ними оставался зазор толщиной в ноготь.

— Это перемещали, — сказала она.

— Ты уверена? — спросил Галь.

Она показала светлую полосу в пыли. Сай зарисовал положение и приложил к зазору край приглашения, затем остановился.

— Карточку забрали.

Мира протянула металлическую линейку.

Они работали молча. Галь называл детали, двое настройщиков возвращали крепления, Сай записывал размеры и порядок, а Мира проверяла отклик после каждого действия. На третьей струне скрытого резонатора обнаружился новый узел. На латунной камере — свежая царапина возле гнезда, где лежал камертон. Представитель ректората не просто открыл зал: он проверил, исчезла ли улика.

— По приказу всё вернуть без изменения, — сказал Галь, когда Мира отказалась затягивать последнюю скобу.

— Без изменения относительно чего? Вчерашнего состояния или того, которое оставили сегодня утром?

Мастер посмотрел на часы.

— Относительно схемы конкордного строя.

— Покажите схему.

— Её нет в приложении.

— Тогда вы восстанавливаете по памяти человека, который уже перемещал детали.

Галь опустил ключ.

— Я восстанавливаю по прямому приказу ректора.

— Запишите это, — сказал Сай.

Мастер резко обернулся.

— Ещё одно слово — и выйдешь.

— Тогда запишет Мира.

Она вписала в ведомость отсутствие исходной схемы и поставила время. Галь прочёл, но не потребовал зачеркнуть. Через минуту сам добавил: «Положение свинцовых полос принято по состоянию на момент начала работ».

Приказ выполнили в двенадцать часов семь минут. Когда панель закрылась, рояль ответил семью биениями. На восьмом Мира ждала чужого голоса, но в зале были только мастерская и Сай.

— Нам в нотохранилище, — сказала она.

Сай сложил копии ведомостей под пальто.

— А оригинал?

— Останется у Галя. Если исчезнет, его запись исчезнет вместе с ним.

Архив занимал северную башню Свода. Там было холоднее, чем в остальных корпусах, и пахло кожей, пылью и железом переплётных прессов. За стойкой сидела девушка с коротко остриженными волосами и пришивала к папке белую тесьму.

— Тая Нор? — спросила Мира.

Игла замерла.

— Если задолжали партии, я не Тая Нор.

— Нам нужен шифр КМ-четыре-семнадцать.

— Тогда тем более.

Сай положил половину ведомости на стойку. Тая не коснулась бумаги, но прочла шифр вверх ногами.

— Откуда это?

— Из комнаты Ивы Сарен.

— Комната опечатана.

— Поэтому спрашивать лучше не откуда, а почему половина ведомости лежала под батареей.

Тая втянула нитку в папку и завязала узел.

— По приказу ректора Ива в отпуске. Её выдачи закрыты.

— Закрыты или удалены? — спросил Сай.

— Я сказала то, что имею право сказать.

Мира увидела на краю стойки серую крошку. Не пыль — волокна карточного картона, скатанные ластиком или тупым ножом. Рядом лежал скребок для исправления чернил.

— Карточки выскабливали сегодня? — спросила она.

Тая накрыла крошку ладонью.

— Уходите.

— Ива пришла сюда перед исчезновением.

— Уходите, пока я не вызвала хранителя.

— Она оставила вещь.

Мира достала камертон с зелёной нитью.

Сай повернулся к ней.

— Мы договорились показывать находки.

— Я показываю.

— Не мне. Ей.

Это была справедливая претензия, но времени на спор не осталось. Тая вскочила так резко, что стул ударился о шкаф.

— Где вы его взяли?

— За акустической панелью Малого зала. Вместе с запиской Ивы.

— Дайте.

— Сначала карточка.

Тая посмотрела на дверь внутреннего архива, затем на камертон.

— Вы не понимаете, что просите. В журнале есть моя подпись. Если выяснится, что я дала вам закрытую выдачу, меня вышвырнут до конца практики.

— Если мы унесём камертон, подпись останется единственным доказательством, что Ива была здесь, — сказала Мира. — Если оставим его тебе, появится второе.

— Или улика исчезнет вместе с моей работой.

— Да.

Мира положила камертон на стойку.

Сай негромко выдохнул, но не остановил её. Тая провела пальцем по зелёной нити. На её лице не было узнавания дорогой вещи — только подтверждение детали, которую она знала заранее.

— Она привязала нить здесь, — сказала Тая. — Попросила мою. У нас распускают старые каталоговые шнуры, зелёными были карточки учебных ансамблей.

— Когда?

— В ночь перед тем, как она исчезла.

— Что она искала?

Тая спрятала камертон в карман фартука и сняла с крючка связку ключей.

— Теперь вы оба нарушаете архивный режим вместе со мной. Это не делает нас друзьями.

— У нас сегодня хороший день для таких союзов, — сказал Сай.

За внутренней дверью тянулись узкие шкафы с карточками. Тая провела их в самый дальний проход, где на ящиках вместо названий стояли годы. Из ящика текущего года она вынула карточку с рваными светлыми полосами.

— Здесь было имя Ивы, — сказала она. — Я выдавала ей четыре папки. Утром после её исчезновения хранитель принёс распоряжение закрыть выдачу и удалить имя из открытого каталога.

— Кто подписал?

— Печать ректората. Подпись неразборчива.

Мира наклонила карточку к окну. Чернила исчезли, но перо продавило волокна. Она различила только первую букву фамилии и несколько цифр.

— Можно восстановить?

— Оттиск — да. Выдачу — только по журналу.

Тая достала толстую книгу в сером переплёте. Между страницами торчала узкая полоска бумаги.

— Ночной журнал хранитель ещё не видел. Я собиралась передать его вечером.

— А теперь? — спросил Сай.

— Теперь передам другой.

Она открыла чистую книгу того же формата и начала переносить записи. Рука дрожала только на фамилии Ивы.

— Это подмена документа, — сказала Мира.

— Спасибо, настройщица. Архивистка не догадалась.

— Ты можешь остановиться.

— Могу. И тогда камертон окажется у хранителя через пять минут, а карточку выскоблят глубже. Не стой над локтем.

Пока Тая переписывала журнал, Сай разложил на столе четыре папки Ивы. В первой находились обычные камерные упражнения. Во второй — этюд на выдержанную паузу, тот самый, который он играл. Третья содержала схемы рассадки Малого зала. Четвёртая была пуста, если не считать выцветшего листка возврата.

— Она взяла пустую папку? — спросил он.

— Нет, — сказала Тая. — В ней было шесть партитур прежних курсов.

— Значит, их забрали после неё.

Мира сравнила лист возврата с половиной ведомости. На обороте проступал старый шифр. Тая нашла соответствующий ящик — не текущий год, а год прошлого Конкорда.

Карточка внутри тоже была выскоблена.

Во втором ящике обнаружилась такая же. Потом ещё одна. Четыре карточки за шестнадцать лет, каждая из фонда учебных ансамблей, каждая исправлена в месяцы перед Конкордом.

— Совпадение, — сказал Сай, но произнёс это как обвинение.

Тая принесла лист тонкой копировальной бумаги и мягкий уголь. Положила поверх первой карточки и провела плашмя. На чёрном поле проступили белые борозды продавленного письма.

«Этюд с разделённым вступлением».

Ниже значился состав и пометка: «зачтено без исполнения».

Вторая карточка вернула название «Упражнение для несводимого хора». Третья — «Каденция отсутствующего голоса». Четвёртая — «Пауза общего выбора».

Сай открыл сохранившиеся партии. В каждой через несколько страниц музыка обрывалась на четыре, шесть или восемь пустых тактов. Не генеральная пауза: партии разных инструментов освобождали пространство по очереди, словно уступали место тому, кого не вписали в состав.

— Перед каждым Конкордом, — сказала Тая. — Я видела эти шифры в старых книгах, но считала их упражнениями для церемонии.

— Кто получал папки? — спросила Мира.

Уголь выявил фамилии студентов и преподавателей. Некоторые повторялись в более поздних карточках уже как педагоги. В строке утверждения стояла одна и та же должность: дирижёр Конкорда. Инициалы менялись, должность оставалась.

— Это старше Вейра, — сказал Сай.

Мира почувствовала не облегчение, а холод. Удобнее было бы найти одного человека, который придумал механизм и мог его остановить. Каталог показывал привычку, пережившую несколько руководителей.

— Вейр не начал это, — сказала она. — Он получил готовую систему и приказал вернуть её в строй.

Тая закончила копировать журнал и вырвала исходную страницу с записью Ивы.

— Что ты делаешь?

— В новой книге её нет. Старую страницу хранитель пересчитает. Если оставить запись внутри, он поймёт, что я видела распоряжение.

Она сложила лист вчетверо и вложила в футляр одной из исчезнувших партитур.

— Так надёжнее?

— Нет. Так у доказательства будет адрес, а не мой карман.

Мира посмотрела на зелёную нить, выглядывающую из кармана Таи.

— Камертон тоже должен иметь адрес.

— До вечера он останется у меня. Я проверю номер фонда на ножке. Если Ива брала его из архива, будет запись, которую ещё не успели выскоблить.

Сай хотел возразить. Мира опередила его:

— Согласна. Но условия запишем втроём.

На обороте копии ведомости они указали время, номер камертона и место хранения. Тая подписалась последней.

Из-за двери донёсся голос хранителя:

— Нор? Журнал готов?

Тая захлопнула ящик. На столе оставались угольные оттиски четырёх карточек и раскрытые партии с пустыми тактами.

- Забирайте копии, — прошептала она. — Партитуры верните.
- Нам нужны названия и составы, — сказал Сай.
- Тогда запоминайте быстро.

Мира распределила листы: два Саю, два себе. Они переписали шифры на внутреннюю сторону ведомости восстановления, между размерами свинцовых полос и временем закрытия панели. Не лучшее место для истории четырёх Конкордов, зато документ уже существовал в двух экземплярах.

Тая вынесла новый ночной журнал к стойке. Хранитель пролистал страницы, задержался на переписанном месте и ничего не заметил.

Мира с Саем вышли через служебную лестницу. Внизу башни колокол сыграл полуденную последовательность. После третьего удара студенты в читальном зале одновременно закрыли книги и направились к столовой.

Сай остановился.

- Они просто идут обедать.
- Да.
- У этого решения есть причина.
- Есть.

Он всё равно дождался, пока последний студент выберет дверь сам.

В карманах у них лежали четыре стёртых названия. За шестнадцать лет менялись исполнители, упражнения и люди у дирижёрского пульта. Пустые такты оставались.

Глава 05. Урок вкуса

Левен Рош измерял коридор ниткой.

Он закрепил один конец у медной накладки на двери Касса предпочтений, отступил к окну и поднял катушку на уровень глаз. Серая нить была тоньше волоса. На ней через равные промежутки темнели капли воска, а между ними поблёскивали крошечные стеклянные бусины.

Студенты обходили его боком. Никто не спрашивал, зачем ученик мастерской перегородил половину галереи: на двери висела табличка закрытого урока, а рядом стояли два служителя ректората. Возле такой двери любопытство быстро принимало вид спешки.

— Не наступай, — сказал Левен, не оборачиваясь.

Мира остановила носок ботинка в пальце от нити.

— Ты всегда здороваешься предупреждением?

— Только с людьми, которые смотрят на стены и забывают о полу.

Он был ненамного старше неё, широкий в плечах и весь как будто собранный из рабочих углов: короткие рукава, застёгнутый ворот, карандаш за ухом. На пальцах — белые следы мела. Мира знала его в лицо по мастерской залов, но прежде они обменивались только номерами заявок.

Левен щёлкнул по нити ногтем. Бусины вздрогнули не одновременно. Ближайшая к двери качнулась первой, потом третья, затем вторая.

— Что она измеряет? — спросила Мира.

— Ничего, если ты задаёшь вопрос при служителях.

Он смотал участок до окна и жестом велел ей поднять свободный конец. Они отошли к нише с бюстом первого ректора. Оттуда дверь класса оставалась видна, но голоса тонули в сквозняке.

— Ты просила средство поймать слабое отражение, — сказал Левен. — Нить показывает порядок прихода колебаний. Воск даёт вес, стекло — задержку. Если помещение отвечает как положено, бусины идут волной. Если в стенах есть лишний путь, порядок ломается.

— Ты сам придумал?

— Мой наставник придумал отмечать узлы воском. Я добавил стекло и перестал верить планам залов.

Мира протянула копию ведомости Малого зала. Левен не взял её.

— Я видел приказ.

— Но не то, что было за панелью.

— Латунная камера, двенадцать струн, свинцовые полосы. Вторая струна обрезана, третья перевязана новым узлом. Верхняя полоса сдвинута на четыре миллиметра до прихода мастерской.

Теперь уже Мира посмотрела на него внимательнее.

— Откуда?

— Я проверяю работу после тех, кто проверяет работу. Иначе акустик становится переписчиком чужой уверенности.

— Тогда ты знаешь, зачем мне нить.

— Нет. Знаю только, что ты хочешь пронести её туда, куда меня не допускают.

За дверью класса прозвучала гамма — безупречная, ровная, слишком тихая для концертной разминки. Нить на катушке Левена дрогнула. Он прижал её большим пальцем.

— В комнате есть отдельный контур, — сказал он. — Ответ уходит не в галерею, а вниз, под пол. Я подавал заявку на осмотр. Трижды. Все три раза класс оказывался занят.

— Сегодня ты получишь измерение.

— Получу данные, которые не смогу повторить и предъявить.

— Поставь метки так, чтобы смог.

Левен покачал головой.

— Вот за это настройщики любят себя больше акустиков. Вы слышите непорядок и считаете, что уже доказали устройство.

— А вы рисуете устройство и считаете, что непорядок обязан подождать заявки.

Он впервые улыбнулся, но тут же проверил, не смотрят ли служители.

— Хорошо. Одна неподвижная метка у двери, одна внутри у западной стены, катушка остаётся снаружи. Если нить перережут, ты не тянешь её назад. В стене может быть скоба, и она выдаст точку крепления.

— Если меня обыщут?

— Скажешь правду: это измерительная нить мастерской залов.

— Твоё имя?

— Не скажешь.

— Тогда это половина правды.

Левен снял карандаш с уха и написал на бумажной ленте катушки: «Л. Рош. Контроль отражения. Класс предпочтений». Потом поставил время.

— Теперь целая.

Дверь открылась. На пороге появился седой служитель с серебряным знаком ректората.

— Настройщица Ладен?

Мира спрятала катушку в ящик с клиньями и ключами.

— Да.

— Господин Вейр разрешил срочную проверку второго рояля. Работать во время урока, не обращаться к солистам, не прерывать исполнение.

— Не прерывать даже при дефекте?

Служитель помедлил.

— При угрозе инструменту сообщите мне.

— А при угрозе исполнителю?

— Вы приглашены как настройщица.

Левен опустил на колено и будто занялся креплением у плинтуса. Мира вошла одна.

Класс предпочтений оказался круглым. Пять высоких окон были закрыты плотными шторами; свет падал сверху через матовое стекло в куполе. Вдоль стены стояли семь кресел, все занятые. Сай сидел третьим, с прямой спиной и пустыми руками. Увидев Миру с ящиком, он едва заметно свёл брови. Она не предупредила его: после приостановки допуска он не должен был оказаться на закрытом уроке вообще.

В центре у рояля стоял Арден Вейр. Не за кафедрой и не перед портретом, а вплотную к группе, без мантии ректора. Рядом держала скрипку высокая девушка в зелёном концертном платье.

— Продолжайте, Лисса, — сказал Вейр.

Девушка подняла смычок. Мира открыла крышку второго рояля у западной стены и положила на деку полоску сукна. Под сукном распустила катушку. Конец нити пропустила за ножкой, прижала измерительным клином и вывела к щели под дверью. Работа выглядела привычной, пока не смотреть на неё слишком долго.

Лисса сыграла короткую фразу. Мелодия была простой, почти детской: подъём, задержка, возвращение к исходной ноте. Мира слышала интервалы как расстояния, а не как названия. Один из звуков провалился в повреждённый участок слуха, но струны второго рояля ответили, и нить на деке качнулась по стеклянным меткам.

— Какой выбор вы предлагаете слушателю? — спросил Вейр.

— Признать первый вариант верным.

— Это не выбор. Это ваша оценка. Сформулируйте действие.

Лисса опустила скрипку.

— Подписать прошение первого хора.

— Почему слушатель уже может этого хотеть?

— Первый хор обещает сохранить открытые места для городских учеников.

— А второй?

— Повысить стипендии за счёт сокращения мест.

— Значит, вы не создаёте желание. Вы помогаете одному из двух существующих соображений стать ближе. Ещё раз.

Лисса заиграла. Техника не изменилась: тот же чистый вход, тот же ровный смычок. Но перед задержкой она посмотрела на лист прошения, лежавший на пюпитре. Не изображала уверенность — выбрала адрес. Нить дрогнула сильнее и прошла волной от первой бусины к пятой. В пальцах Миры возникло желание одобрить первый хор. Не мысль и не приказ. Просто подпись вдруг показалась естественным продолжением обещания сохранить места.

Она назвала про себя второй вариант: увеличить стипендии. Представила Нила, считающего монеты перед булочной. Оба соображения снова стали видимыми, и лёгкость подписи исчезла.

— Лучше, — сказал Вейр. — Кто заметил отличие?

Поднялись три руки. Сай руки не поднял.

— Ортен?

— Во второй раз она знала, куда хочет привести нас.

— В первый тоже знала слова.

— Слова — да. Решение — нет.

Вейр кивнул.

— Намерение не заменяет мастерство, но придаёт мастерству направление. Нет направления — нет склона, сколько бы часов вы ни провели с метрономом.

Мира сделала вид, что проверяет унисоны. Значит, прежние упражнения могли быть исполнены без эффекта, если солист не понимал назначения. Поэтому их зачитывали без исполнения, учили отдельно, открывали только избранным. Пустые такты были не всей машиной. Они освобождали место для того, кто заранее выбрал чужой результат.

К роялю сел юноша с золотым шнуром солиста. Он сыграл ту же фразу виртуознее: украшения легли без усилия, заключительный аккорд прозвучал ярче. Нить отозвалась мелкой беспорядочной дрожью.

— Вы старались убедить? — спросил Вейр.

— Да.

— В чём?

Юноша посмотрел на прошения.

— Что первый хор лучше.

— Для кого?

— Для Свода.

— Вы не выбрали действие. Вы выбрали впечатление о себе. Садитесь.

Несколько студентов улыбнулись. Юноша покраснел. Мира ощутила знакомую жестокость класса: ошибка становилась зрелищем, а точность — привилегией тех, кто пережил унижение. Но измерение было ясным. Без конкретного намерения мастерство наполняло комнату звуком и не направляло решение.

Следующей вызвали Сая.

— Мой допуск приостановлен, — сказал он.

— К сольным репетициям в настроенных залах, — ответил Вейр. — Сейчас вы не репетируете программу. Вы участвуете в исследовании класса.

Сай посмотрел на Миру. Она положила ключ на деку поперёк нити: знак, который он мог понять как предупреждение, но не как просьбу отказаться.

— Какое действие? — спросил он.

Вейр заменил листы на две карточки с именами концертмейстеров.

— Выберите, кому группа доверит сопровождение на ближайший месяц.

— Я не знаю этих людей.

— Знаете. Вы играли с обоими.

— Недостаточно, чтобы решать за группу.

— Тем лучше. У вас есть допустимые причины для каждого выбора и нет готового предпочтения. Возьмите вторую часть этюда.

На пюпитре появились знакомые Саю пустые такты. Он не коснулся клавиш.

— Какой результат мне велено направить?

— Тот, который вы сочтёте полезным.

— Тогда это не проверяемое условие.

В комнате стало тихо. Вейр не повысил голоса.

— Вы пришли сюда учиться различать вкус и каприз, Ортен. Не прячьте страх решения за словом «условие».

— После решения без причины я предпочитаю знать, кто назначил цель.

Теперь Вейр посмотрел не на Сая, а на Миру. Она почувствовала этот взгляд ещё до того, как подняла голову. Ректор видел ключ поперёк нити, видел слишком долгую проверку исправного инструмента и, вероятно, серую линию, уходящую под дверь.

— Настройщица, — сказал он, — второй рояль требует вмешательства?

— Инструмент исправен. Помещение отвечает с задержкой у западной стены.

— Вы пришли проверять инструмент.

— Нельзя проверить его отдельно от помещения.

Вейр подошёл. Студенты следили за ним с тем вниманием, которое уже было частью урока. Он провёл пальцем над нитью, не касаясь бусин.

— Работа Роша?

Лгать было бессмысленно и означало бы отдать Левена без его подписи.

— Да. Контроль отражения зарегистрирован его именем и временем.

— Левену не хватает терпения ждать допуска.

— Он ждал три отказа.

— Значит, терпение у него всё-таки было.

Вейр поднял клин, освобождая нить. За дверью катушка сразу натянулась: Левен понял знак. Ректор мог перерезать её одним движением, но положил клин обратно.

— Что вы измерили?

Мира могла назвать беспорядок отражений и сохранить главную догадку. Могла сослаться на заявку мастерской. Вместо этого она указала на две карточки.

— Что склон зависит от точного намерения исполнителя. Не от чистоты и не от убедительности вообще. Лисса получила сильный отклик, когда направляла конкретную подпись. Второй солист играл лучше, но хотел только показаться правым.

Слово прозвучало открыто. Никто в классе не удивился слову «склон».

Сай медленно убрал руки от клавиатуры.

— Вы все знаете, — сказал он.

— Все присутствующие изучают дисциплину, — ответил Вейр. — Знание механизма отличает обучение от воздействия.

— А слушатели первого хора изучают?

— Сегодня здесь нет слушателей первого хора.

— Зато есть прошение с их именами.

Вейр забрал лист с пюпитра.

— Урок окончен для господина Ортена.

Служитель открыл дверь. Сай встал, но перед выходом повернулся к Мире.

— Нить оставь. Пусть измерение закончится.

Это было не про нить. Он просил её не уходить вслед за ним и не отдавать доступ ради жеста верности. Мира кивнула.

Когда дверь закрылась, Вейр распустил остальных студентов. Лисса задержалась, будто ждала отдельного указания, но он отпустил и её. В круглом классе остались только ректор, Мира и тонкая серая линия, уходившая наружу к человеку, который мог засвидетельствовать хотя бы колебания.

— Вы нашли способ вернуться туда, откуда вас исключили, — сказал Вейр.

— Я вошла чинить рояль.

— Вы вошли на урок композиции и сформулировали принцип точнее половины солистов.

Похвала попала в старую рану прежде, чем Мира успела назвать её приёмом. Шесть недель она ждала от комиссии не снисхождения к повреждённому слуху, а признания, что всё ещё способна строить музыку. Теперь это признание произнёс человек, приказавший восстановить скрытый резонатор.

— Верните мне допуск, — сказала она.

— Условно.

— Условия комиссии я уже выполнила.

— Комиссия проверяет, способны ли вы слышать написанное. Я предлагаю работу, для которой важнее услышать ненаписанное.

Он подошёл к одной из штор и раздвинул её. За окном Велена спускалась к гавани: крыши, башни, арки мостов, сигнальные павильоны. С этой высоты город казался нотным листом, на котором улицы заменяли линейки.

— Команде Конкорда нужен настройщик, — сказал Вейр. — Вы получите доступ к классу композиции, закрытым залам и техническим схемам. Взамен будете работать со мной до церемонии.

— Исправлять то, что нашли за панелью?

— Обеспечивать согласованность пространства.

— Для какого действия?

Он оценил вопрос коротким взглядом, почти довольным.

— Этому посвящён не первый урок.

— Тогда вы предлагаете мне точное участие без точного намерения.

— Я предлагаю увидеть систему изнутри до того, как судить о ней по одному залу и четырём архивным карточкам.

Мира не спросила, откуда он знает о карточках. Если спросить, он поймёт, что Тая стала важна. Если промолчать, он решит, что угадал верно. Хорошего выбора не было, но оба можно было назвать.

— Моё согласие даст вам право молчать о цели?

— Нет. Оно даст вам время понять цель прежде, чем вы снова совершите действие, последствия которого услышите слишком поздно.

У стены нить качнулась сама собой. За дверью Левен дважды тронул катушку — их условный сигнал окончания записи.

— Я возьму условия письменно, — сказала Мира. — Доступ к композиции, схемам всех помещений Конкорда и право фиксировать изменения настройки.

— Право фиксировать — да. Право выносить записи — нет.

— И я не играю скрытую партию.

— Вы настройщица. Играть вас никто не просит.

— Пока.

Вейр вернул штору на место.

— Ответ завтра до полудня. Если откажетесь, комиссия продолжит обычную процедуру. Возможно, через год вы снова получите право подать работу.

Год. Он произнёс это без угрозы, как меру времени. Для Миры год имел вес закрытых аудиторий, чужих премьер и Нила, который успеет поступить в Свод раньше, чем сестра вернётся в класс.

Она закрыла ящик. Свободный конец нити оставила под клином, как договорилась с Левеном.

— Почему вы выбрали меня?

— Потому что вы уже однажды настроили пространство сильнее расчётного.

В повреждённой части слуха возникло давление. Не звук — память о белом свете над сценой, о рывке струн и тишине, в которой лица вокруг продолжали двигаться.

— Это была авария.

— Для вас, — сказал Вейр. — Для Свода это был неудачный ранний Конкорд.

Глава 06. След аварии

Левен не стал ждать её у Класа предпочтений.

Когда Мира вышла, в коридоре лежала только серая нить. Она тянулась из-под двери, огибала ножку скамьи и заканчивалась у пустой катушки. На бумажной ленте поверх имени Левена появилась новая запись: «Измерение прервано вмешательством. Материал у исполнителя».

Не «у настройщицы». Не «у Ладен». У исполнителя — так в мастерской называли человека, который отвечал за действие, даже если инструмент держал кто-то другой.

Мира смотала нить, стараясь не сдвигать стеклянные метки. Две бусины у западной стены потемнели от воска: сильный отклик оставил след, который можно было показать. Но Левен забрал журнал. Значит, показывать он пока ничего не собирался.

Она нашла его в старой чертёжной под крышей мастерской залов. В полдень там обычно сушили акустические полотна, а сейчас окна были закрыты и пахло пылью, клеем и мокрой шерстью. На длинном столе Левен раскладывал свёрнутые планы по размеру, будто её не существовало.

— Ты оставил нить.

— Нить твоя до конца измерения.

— А запись?

— Моя.

Он не поднял головы. На каждом плане в правом нижнем углу стоял знак мастерской — молоточек над волной. Некоторые листы были новыми, белыми. Другие пожелтели и ломались на сгибах. Мира узнала по контуру Большой зал, где три года назад потеряла часть слуха.

— Вейр назвал аварию ранним Конкордом, — сказала она.

Левен прижал ладонью край плана.

— Ректор много чего называет после того, как это произошло.

— Ты знал, что зал тогда настраивали не для нашего концерта?

— Я знал, для чего его настраивал мой наставник.

— Для чего?

— Чтобы восемнадцать человек на сцене слышали друг друга без запаздывания. Чтобы твоя группа не рассыпалась в финале. Чтобы слушатели на дешёвых местах получили тот же звук, что и первый ряд.

Он произнёс последнее с такой резкостью, словно равный звук был не задачей, а присягой.

— А скрытая партия?

— На схеме её не было.

— Покажи схему.

— Уже показал. Ты на неё смотришь.

Перед ним лежал план Большого зала с сеткой измерительных точек. Синим были отмечены отражающие щиты, красным — подвижные полотна, углём — временные экраны за хором. Мира наклонилась. Сценическая ниша казалась обычной. Там, где в памяти возникал белый свет, стояла подпись: «Резонатор ансамбля. Строй М. Галя».

Мира провела пальцем над строкой, не касаясь бумаги.

— Это копия.

Левен наконец посмотрел на неё.

— Потому что подлинник забрала комиссия.

— Комиссия писала, что резонатор стоял в расчётном положении.

— Так и было.

— Нет.

Слово упало между ними без опоры. Левен выпрямился.

— Ты пришла обвинить мёртвого человека в том, что не можешь доказать?

— Я пришла восстановить положение деталей.

— Это и есть обвинение. Керн отвечал за зал. Он умер прошлой зимой, когда уже не мог подняться по этой лестнице. У него не осталось должности, которой можно угрожать, и голоса, которым можно ответить. Остались только листы. Ты хочешь, чтобы они признались вместо него.

— Если листы точные, они его защитят.

— От тебя?

Мира узнала приём, хотя Левен, вероятно, не считал его приёмом: заставить её выбрать между расследованием и милосердием к умершему. Оба желания были настоящими. Именно поэтому одно могло стать рычагом.

Она положила катушку на стол.

— Запиши условия, — сказала она. — Мы восстанавливаем только физическую схему. Не делаем вывода о виновности Керна без отдельного основания. Любое изменение отмечаем именем того, кто его внёс. Моё — тоже.

— Какое твоё?

— Запиши сначала.

— Нет. Сначала скажи, зачем ректору понадобилось напоминать тебе об аварии именно после урока.

За окном ударил портовый колокол. Низкий звук Мира услышала целиком; верхний отклик рамы исчез в её повреждённой полосе и вернулся дрожью стекла. Она смотрела на план и помнила не белый свет, а час до него.

Тогда Большой зал был пуст. На сцене стояли пюпитры, в проходах дремали служители, и только её ансамбль снова и снова терял общий вход после длинной паузы. Мира была младше всех, единственной стипендиаткой и единственной, кому мастер Галь позволил касаться резонатора. Позволил проверить. Не менять.

— В день аварии я сдвинула груз, — сказала она.

Левен не понял сразу.

— Какой груз?

— На резонаторе ансамбля. Он стоял по метке мастера, но дальние инструменты запаздывали. Я передвинула его на одно деление к сцене.

— Одно деление там не существует. Есть контрольная риска и аварийный зазор.

— Я сделала промежуточную отметку.

Левен медленно убрал руки с плана.

— На основании чего?

— Я слышала возврат от задней стены.

— Ты слышала его в пустом зале. С людьми частота меняется.

— Знала.

— Тогда зачем?

Она могла сказать: потому что Сай просил помочь. Но он не просил. Могла сказать: потому что руководитель ансамбля грозил заменить её. Он только заметил, что другой настройщик успел бы быстрее. Всё нужное давление существовало, однако действие оставалось её.

— Я хотела, чтобы нас признали лучшими, — сказала Мира. — Не чтобы мы сыграли лучше. Чтобы после финала никто не мог выбрать другой ансамбль.

Левен сел на край стола. В его лице исчезла злость, и от этого стало хуже.

— Ты усилила зал ради решения комиссии.

— Я тогда не знала про склон.

— Но знала, чего хочешь от слушателей.

— Да.

— И три года позволяла всем думать, что выполняла схему Керна.

— Комиссия не спрашивала, двигала ли я груз. Она спросила, нарушала ли я запрет. Я не нарушала.

— Красиво.

— Трусливо.

Левен отвернулся к окну. Мира не стала заполнять паузу объяснениями. Если он выгонит её, она хотя бы больше не будет строить расследование на собственной очищенной памяти.

— Керн нашёл отметку? — спросил он.

— После концерта резонатор был сорван. Моей риски не осталось.

— До концерта.

— Не знаю. Я ушла со сцены за десять минут до входа публики. Когда вернулась, панель была закрыта.

Левен потянулся к нижнему ящику чертёжного стола. Замок там был маленький, почти декоративный, но ключ он снял с цепочки под рубашкой.

— Керн не доверял памяти, — сказал он. — Говорил, что после плохого звука каждый слышит прошлое так, чтобы спасти себя. Поэтому оставлял два следа: схему до работы и нить после.

Из ящика он вынул плоский жестяной футляр. На крышке значилось число аварии, не имя Мира. Она никогда не видела этого номера. Комиссия называла происшествие «травмой при ученическом выступлении».

Внутри лежала измерительная нить, намотанная на овальную дощечку. Воск высох и побелел, несколько стеклянных меток треснули. Рядом хранилась узкая лента бумаги с подписью Керна и временем: за семь минут до начала концерта.

— Почему это не отдали комиссии?

— Отдали журнал. Нить сочли рабочим мусором.

— А Керн?

— Получил запрет обсуждать настройку со студентами. Потом его убрали с концертов. Он говорил, что наказан за ошибку расчёта.

Левен положил футляр между ними, но не отпустил.

— Я хранил это, чтобы однажды доказать: его схема была верной.

— Она могла быть верной до моего изменения.

— Поэтому ты скажешь всё под запись.

— Скажу.

— Не мне. Мастеру Галю.

Это означало дисциплинарное признание. Потерю мастерской, возможно, и того условного допуска, который предложил Вейр. Мира почувствовала, как готовый отказ поднимается первым: сейчас важнее Ива, расследование нельзя отдавать комиссии, признаться можно потом. Все причины были допустимы. Одна выглядела особенно неизбежной.

Она назвала остальные: Керн умер с чужой виной; Левен рисковал именем; Сай уже подал свидетельство, не дожидаясь безопасного дня. Возможность отказаться снова стала выбором.

— После восстановления, — сказала она. — Идём к Галю вместе. Ты принесёшь нить, я — признание.

Левен отпустил футляр.

Они закрепили копию схемы на пробковой стене. Левен натянул старую нить поверх сетки, совместив контрольный узел с центром сцены. Каждый стеклянный знак соответствовал приходу отражения из отдельного участка зала. Мира читала не числа, а порядок: боковая галерея, купол, задняя стена, сценическая ниша.

Первые четыре метки совпали с расчётом Керна. Пятая ушла раньше. Шестая, которая должна была показать усиленный Мирой резонатор, опоздала и пришла двойной.

— Так не бывает от одного груза, — сказал Левен.

— Если мой стоял между рисками?

Он переместил прозрачную накладку с моделью резонатора. Двойная метка не сходилась ни в одном положении.

— Два источника, — сказал он. — Один отражался от задней стены. Второй шёл из-под сцены.

Мира вспомнила семь биений Малого зала. Не мелодию — физическое ожидание восьмого, которое заставило её бежать.

— Скрытая опорная партия.

— Не называй, пока не покажем.

Левен достал чистый лист и начал строить обратную схему. Он работал короткими линиями, каждый раз проверяя их шнуром. Мира переносила положения щитов с копии Керна. В одном месте исходный план расходился с нитью: за хором значился глухой экран, но отражение проходило сквозь него и возвращалось снизу.

— Экран заменили, — сказала она.

— Или сделали полым.

— Как панель в Малом зале.

Левен приложил к участку тонкую бумагу и провёл углём по обороту. Под синим обозначением экрана проступил другой контур — старую карандашную линию стёрли, но вмятина осталась. Узкий канал уходил от сценической ниши под первые ряды.

— Этого не рисовал Керн, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Он вёл линии слева направо. Здесь нажим начинается у зрителей.

Мира вспомнила угольные оттиски Таи. Бумага сохраняла то, от чего архив пытались очистить.

Они сняли ещё два слоя. Проявились обозначение скрытого резонатора и три времени проверки: утром, после репетиции, перед концертом. Утреннее было подписано Керном. После репетиции стояли инициалы мастера Галя. Возле последнего времени вместо подписи оставили маленькую букву и фамилию, написанную ученической рукой.

И. Сарен.

Мира перечитала дважды.

— Ива была там.

— Младший свидетель, — сказал Левен. — Таких ставят у двери при закрытой настройке. Они не имеют права касаться оборудования, только отмечают входы и выходы.

— Ей тогда было шестнадцать.

— Возраст позволял дежурить. Допуск — нет.

Под подписью Ивы шла короткая помета: «Внесено после закрытия. Исполнитель не указан».

Левен провёл ногтем вдоль продавленной строки.

— Керн уже ушёл. Твоя панель была закрыта. Кто-то внёс второй источник за семь минут до концерта.

— А Ива это видела.

— Она видела, что внесли оборудование. Не обязательно знала, для чего.

— Через три года она написала: искать вторую партию.

Мира достала из кармана сложенную копию записки. Подлинник оставался у неё; после передачи камертона Тае она больше не носила обе улики вместе. Левен сравнил нажим. В слове «партия» буква «р» уходила вниз тем же резким крючком, что в фамилии на схеме.

— Покажи подлинник, — сказал он.

— Когда Тая вернёт камертон и подтвердит фондовый номер. До этого мы не собираем всё в одном месте.

Раньше он счёл бы это недоверием. Теперь только кивнул.

Они дорисовали столкновение двух контуров. Усиленный Мирой резонатор возвращал ансамблю собственное намерение — победить в выборе комиссии. Скрытый источник направлял через зал другую опорную партию. В точке, где оба отклика должны были прийти вместе, нить Керна показывала двойной удар. Не один механизм сломался. Два механизма потребовали от пространства разных решений.

— Поэтому сорвало крепление, — сказал Левен.

— И поэтому я услышала всё сразу.

— Ты была ближе всех к резонатору.

Мира коснулась кожи за левым ухом. Шрама там не было. Травма не оставила видимого знака, и потому люди продолжали говорить с ней громче, будто громкость могла вернуть отсутствующие высоты.

— Комиссия выбрала наш ансамбль, — сказала она.

— После аварии выступление остановили.

— Но они объявили решение. Наш — лучшим. Никто не мог объяснить почему: мы не закончили произведение.

Левен посмотрел на схему.

— Какого решения хотела скрытая партия?

— Не знаю.

— Тогда и столкновение не доказано полностью.

— Доказано два источника и вмешательство после ухода Керна. Остальное — гипотеза.

Он впервые за весь разговор улыбнулся, устало и без радости.

— Теперь говоришь как акустик.

— А ты как архивист.

— Не оскорбляй.

Они подписали восстановленную схему оба. Левен добавил происхождение каждого слоя: копия Керна, измерительная нить из футляра, угольный оттиск, устное признание Миры о положении груза. Возле последнего пункта он оставил место для подписи мастера Галя.

На лестнице их ждал служитель ректората с серебряным знаком. Тот самый, что впустил Миру в закрытый класс.

— Настройщица Ладен, господин Вейр передал условия вашей работы.

Он протянул запечатанный конверт. На лицевой стороне было написано «До полудня».

— Акустик Рош присутствует как свидетель? — спросила Мира.

Служитель посмотрел на Левена так, будто до этого считал его частью лестницы.

— Передача не требует свидетеля.

— Требуется, если после неё мы идём к мастеру Галю с признанием о нарушении настройки в день моей аварии.

Серебряный знак качнулся на груди служителя.

— Вам следует сначала прочесть предложение ректора.

Вот оно: не приказ, не угроза, всего лишь удобный порядок действий. Сначала прочесть условия, вспомнить цену возвращения, потом решить, стоит ли отдавать Галю нарушение трёхлетней давности. Влияние не нуждалось в музыке, когда причины уже были выращены достаточно хорошо.

Мира взяла конверт и, не вскрывая, написала на нём время получения. Левен поставил рядом инициалы.

— Теперь прочту после разговора с Галем.

— Срок ответа истекает в полдень.

— Значит, ректор получит ответ в полдень.

Она прошла мимо. На площадке ниже Левен задержался.

— Если Галь отстранит тебя от мастерской, доступ к Большому залу закроют.

— Знаю.

— Вейр, возможно, оставит доступ в обмен на Конкорд.

— Знаю.

— Ива подписала схему как свидетель. Если мы потеряем доступ, не узнаем, кто вошёл после Керна.

Мира остановилась. Все три причины были настоящими. Именно поэтому выбрать было трудно, а не невозможно.

— Тогда ты пойдёшь дальше без меня, — сказала она. — А я перестану требовать от Ивы правду, которую сама спрятала от комиссии.

Левен поднял футляр с нитью.

— Нет. Мы пойдём дальше с точной ценой твоей правды.

Мастер Галь сидел в стеклянной будке над главным цехом и проверял заявки. Сквозь стены было видно, как настройщики разбирают старый органнй мех, как ученица покрывает лаком молоточки, как два служителя ректората ждут у выдачи инструмента. В мастерской любое закрытое решение оставалось на виду.

Мира положила перед Галем восстановленную схему, Левен — футляр Керна.

— Я изменила положение резонатора перед аварией, — сказала она. — Без разрешения и без записи в журнале.

Галь снял очки. Его взгляд остановился не на Мире, а на подписи Ивы.

— Где вы это нашли?

— В рабочем следе Керна.

— Я спросил не про нить.

Он указал на продавленную схему.

— Вы знали, что Ива дежурила? — спросила Мира.

Галь медленно сложил очки.

— Я знал, что в тот вечер младшего свидетеля заменили.

— Кем?

— По ведомости — никем. Ива Сарен не должна была находиться в Большом зале.

За стеклом цех продолжал работать, но Мира увидела, как один из служителей ректората поднял голову к будке.

Галь перевернул восстановленную схему чистой стороной вверх, закрывая подпись ладонью.

— Заприте дверь, — сказал он. — И отдайте мне конверт Вейра, пока вы его не открыли.

Глава 7. Братская нота

Мастер Галь не вскрыл конверт Вейра. Он положил его под стеклянный пресс, которым обычно расправлял чертежи, и только тогда убрал ладонь со схемы.

— Ваше признание я занесу в журнал, — сказал он Мире. — До решения комиссии вы отстранены от самостоятельной настройки залов. Работать в цехе можете, если рядом старший мастер.

Мира ожидала худшего и потому не сразу поняла, что это не прощение.

— А схема?

— Получит отдельный номер. Нить Керна останется у Роша, копия — у меня. Подпись Ивы мы не будем прятать, но и по коридорам не понесём.

Левен, стоявший у двери, коротко кивнул.

— Вы знали, кто заменил свидетеля? — спросила Мира.

— Знал, кто имел право заменить. Это не одно и то же.

Галь вынул из ящика красный журнал. Перо в его пальцах задержалось над строкой, где следовало назвать проступок Миры. «Самовольная перенастройка» занимала мало места. Три года молчания в графу не помещались.

— В день аварии, — продолжил он, — я проверил экран после репетиции и ушёл за разрешением на повторный прогон. Когда вернулся, у дверей стояла Ива. Она сказала, что её прислали из подготовительного корпуса. Я велел ей никого не впускать и пошёл искать Керна.

— Значит, вы сами оставили её свидетелем.

— На четыре минуты. В шестнадцать лет ей позволялось отмечать входы, если рядом старший. Я был этажом ниже. Когда вернулся, Ивы не было, панель была закрыта, а служитель ректората сообщил, что прогон отменён. Я решил, что её отослали.

— Вы спросили кого-нибудь?

Галь посмотрел на Миру поверх журнала.

— Нет. В тот вечер каждый из нас выбрал самую удобную короткую причину. Ты — что комиссия не задала точного вопроса. Я — что служитель исполнил обычное распоряжение. Керн — что ошибка была в его расчёте. У Свода много людей, которые умеют не лгать и всё-таки хранить ложь.

Он записал признание, дал Мире подписать и поставил время. До полудня оставалось сорок две минуты.

— Конверт, — напомнила она.

— Заберёшь, когда решишь, открывать ли его при свидетелях. Я не имею права удерживать предложение ректора.

— А отстранение не лишает меня права принять его?

— Именно это меня и тревожит.

За стеклянной стеной один из служителей ректората уже говорил с цеховым писцом. Весть о записи доберётся до верхних этажей раньше Миры. Вейр предлагал ей доступ, который Галь только что ограничил. Теперь согласие можно было назвать не сделкой, а единственным способом продолжить расследование.

Мира забрала конверт. Бумага под прессом успела принять слабый прямоугольный след, будто приглашение уже стало частью чертежа.

— Ответ передам сама.

— Сначала домой, — сказал Галь.

— Почему?

Он повернул к ней журнал выдачи. В утренней графе значилось имя Нила Ладена. Получено: ключ подготовительного корпуса, один. Основание: досрочное заселение.

— Твой брат приходил за сундуком, который вы оставляли на хранение. Сказал, что ты разрешила ему переселиться.

Мира перечитала запись.

— Я не разрешала.

— Тогда у тебя осталось тридцать восемь минут, чтобы выбрать, с кем говорить первым.

Она схватила конверт и вышла прежде, чем готовый ответ успел превратиться в решение.

Дом Ладенов стоял на Кромочной улице, где ветер с гавани добирался до стен уже без соли, но ещё с запахом мокрых канатов. Мира прошла путь от Свода за двенадцать минут. Ещё две потеряла перед закрытым разводным мостиком: грузовая баржа медленно протаскала под ним серое брюхо, и люди на обоих берегах ждали сигнала прохода.

Сначала прозвучали две низкие ноты. Потом высокая, короткая. Разрешение идти.

Толпа двинулась раньше, чем мост лёг на опоры. Мира тоже сделала шаг и остановилась. Последняя нота не была похожа на музыку — всего лишь медная щель в уличном гуле. Но тело уже знало её смысл: теперь безопасно; препятствие позади; можно не проверять.

Она заставила себя дождаться, пока защёлкнутся оба замка. Мужчина с тележкой за спиной сердито обошёл её.

В доме дверь была распахнута. В прихожей не оказалось ни сапог Нила, ни его синего плаща. Из комнаты доносился стук дерева.

Нил укладывал в дорожный ящик нотные тетради. Ему было шестнадцать, но широкие кисти уже не помещались на крышке так, как в детстве, когда он барабанил по ней и требовал угадать марш. На кровати лежала форменная куртка подготовительного корпуса — тёмная, с незашитым серебряным кантом.

— Сними, — сказала Мира.

Нил не обернулся.

— Она и так снята.

— Ты понял.

— Понял, что мастер Галь успел послать за тобой.

— Ты солгал ему.

— Я сказал, что мы договорились.

— Мы не договаривались.

— Ты сказала: «Поговорим вечером». Вечером тебя не было. Вчера тоже. Сегодня место нужно принять до полудня.

Он уложил поверх тетрадей метроном. Мира вынула его и поставила на стол.

— Ты никуда не пойдёшь.

Нил наконец посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что в Своде небезопасно.

— Там три года было небезопасно только для тебя. Мне ты говорила, что это случайность.

— Я ошибалась.

— В чём?

Она могла рассказать о скрытом источнике, подписи Ивы, слуховом шве Сая. Каждая улика принадлежала не только ей. А главное — ни одна не доказывала, что решение Нила было наведено. Пока она произносила бы осторожные слова, он услышал бы одно: сестра снова решила, сколько правды ему выдержать.

— Я не могу объяснить всё, — сказала Мира. — Но поступление нужно отложить.

— На сколько?

— До Конкорда.

— Тогда набор закроется.

— Значит, в следующем году.

— Для тебя год — это небольшая плата, когда платит другой.

Мира захлопнула ящик. Нил удержал крышку ладонью.

— Я отвечаю за тебя.

— С каких пор?

— С тех пор как мама уехала в северный рейс.

— Она просила тебя получать деньги за моё обучение и следить, чтобы я ел. Не выбирать мне жизнь.

— Тебе шестнадцать.

— А тебе девятнадцать. Три года — это теперь должность?

Он говорил тихо, не повышая голоса, и оттого каждая фраза ложилась точно. Мира увидела на столе квитанции: жильё, питание, вступительный сбор. Нил заполнил их сам. В строке поручителя оставил пустое место.

— Ты не знаешь, что там делают с решениями людей.

— А ты знаешь?

— Достаточно.

— Тогда скажи.

— Не могу.

— Значит, мне надо отказаться, потому что ты слышишь что-то, чего не слышу я. Удобно.

Он потянул крышку на себя. Мира не отпустила.

— Я запрещаю.

Слово прозвучало без музыки. Ему не требовался настроенный зал, скрытые струны или намерение исполнителя. За ним стояли деньги, старшинство, ключ от дома и привычка Нила считать её осторожность опытом. Все условия были проще, а результат тот же: один допустимый путь должен был стать для него невозможным.

Мира разжала пальцы.

— Нет, — сказала она.

— Что нет?

— Я не имею права запрещать только потому, что боюсь.

Нил остался у ящика, готовый защищаться от следующей уловки.

— Но я имею право спросить. Когда ты решил поступать?

— Всегда хотел.

— Хотел учиться музыке. Когда решил, что только Свод?

— Это одно и то же.

— Вот это и нужно проверить.

Она села на пол, чтобы не стоять над ним. Конверт Вейра упёрся краем в ребро под курткой.

— Не почему, — сказала Мира. — Я не прошу объяснять причину. Вспомни последний момент, когда у тебя были два настоящих варианта.

Нил нахмурился.

— Свод и портовое училище.

— Ты собирался подать туда документы?

— Собирался посмотреть мастерские. У них есть класс сигнальных инструментов.

— Когда передумал?

— После весенней проверки мостов. Наверное.

— «Наверное» — это причина или дата?

— Ты обещала не проверять меня, как механизм.

— Не обещала. Но должна. Поэтому можешь остановить разговор в любой момент. И можешь уйти в корпус, даже если мне не понравится ответ.

Нил долго смотрел на неё, словно искал условие, спрятанное во второй половине фразы.

— В день проверки мы играли на Южном мосту, — сказал он. — Ученики училища обслуживали сигнальные трубы. Один предложил прийти к ним. Я согласился. Потом открыли движение, и я понял, что не хочу всю жизнь играть команды для грузчиков.

— Что звучало перед открытием?

— Обычный проходной сигнал.

— Две низкие и высокая?

— На Южном — три низкие, пауза и высокая. Высокую тогда держали дольше, потому что заклинило створку.

Он воспроизвёл ритм пальцами по крышке. Три удара, промежутки, один. Не мелодия. Нил никогда не называл ударами то, что мог спеть.

— После сигнала ты сразу решил?

— Не знаю. Мы пошли вдоль канала. На башне висело объявление о наборе в Свод. Я подумал, что портовое училище — тупик.

— До этого ты так не думал?

— До этого я был ребёнком.

— Это было четыре месяца назад.

— Значит, я быстро вырос.

Он улыбнулся, но улыбка исчезла, когда Мира не ответила.

— Ты помнишь, что именно показалось тупиком? — спросила она.

— Там не учат композиции.

— Ты не хотел на композицию. Ты хотел строить инструменты для тумана, чтобы корабли различали берега.

— Это было детское.

— Почему?

— Потому что...

Нил посмотрел на метроном. Стрелка стояла неподвижно.

— Потому что настоящее обучение в Своде.

— Это тот же ответ.

— А если он верный?

— Тогда после проверки останется верным.

Нил отошёл к окну. Над крышами виднелась верхушка восточной башни Свода, тонкая и тёмная, как стрелка прибора. Мира знала, сколько раз он смотрел туда, слушая её рассказы. Она приносила домой обрезки струн, списанные молоточки, куски войлока и говорила о мастерских так, будто за воротами начиналась единственная жизнь, достойная усилий. Если ассоциацию выращивали месяцами, её собственный голос мог быть частью почвы.

— Я люблю Свод не из-за сигнала, — сказал Нил.

— Верю.

Он обернулся слишком быстро.

— Тогда чего ты хочешь?

— Узнать, не сделал ли кто-то твою любовь доказательством, что другого пути нет.

— И если сделал?

— Я не знаю. Решать тебе.

За стеной соседка открыла водяной кран. Труба коротко задрожала. Мира услышала между дребезжащими креплениями слабое биение и машинально подошла ближе.

— Даже сейчас, — сказал Нил. — Ты слышишь стену лучше меня.

— Дело не в том, кто лучше.

— Для тебя всегда в этом. После аварии ты решила, что если не можешь вернуться на сцену, никто из нас не должен хотеть туда.

Мира положила ладонь на трубу. Биение шло не из дома. По водоводу передавался сигнал насосной станции: три толчка, пауза, один длинный. Тот же рисунок, который Нил выбил по крышке.

— Когда ты получил приглашение на досрочное заселение?

— Вчера.

— В какое время?

— После вечерней подачи воды. А что?

Труба снова задрожала, теперь ровно. Станция закончила переключение.

— Нужен твой пропуск на Южный мост, — сказала Мира.

— Ты только что обещала, что я могу уйти.

— Можешь. Но сначала покажи время весенней проверки. Если не совпадёт, я перестану спрашивать про сигнал.

— А если совпадёт?

— Покажу тебе всё, что смогу доказать. И не назову твоё решение чужим.

Нил достал из тетради сложенную карточку. На ней портовый контролёр отметил вход ученической группы: десять часов четырнадцать минут. Открытие моста — одиннадцать сорок. Мира записала оба времени на обороте квитанции, а рядом — вчерашнюю вечернюю подачу, приблизительно без четверти восемь.

До полудня оставалось девятнадцать минут.

— Пойдём в сигнальную контору, — сказала она.

— Сейчас?

— Сейчас там дежурит смена, которая принимала мост весной.

— А твой ректор?

Конверт под курткой казался горячим.

— Подождёт до полудня.

Сигнальная контора занимала первый этаж башни у канала. Над дверью висели деревянные таблицы с рисунками городских команд: развод мостов, пожар, туман, аварийное перекрытие воды. Нот на них не было — только число ударов, длительность и направление передачи. Формально это не музыка.

Дежурная, женщина с медным слуховым рожком на шее, не хотела пускать их к журналам.

— Весенняя проверка закрыта без замечаний.

— Мы не о механике моста, — сказала Мира. — Нужна запись сигнала в одиннадцать сорок.

— Тогда тем более. Сигнал прошёл.

Нил положил на стойку ученический пропуск.

— Я был в группе. Нам разрешено знакомиться с журналом практики.

Дежурная посмотрела на форму, лежавшую у него под рукой, и смягчилась.

— Подготовительный корпус?

— С сегодняшнего дня.

— Хорошее место. Там научат отличать работу от мечтаний.

Она нашла книгу за нужную неделю. В строке одиннадцать сорок значилось: «Проходной сигнал усилен по распоряжению городской палаты. Добавлен учебный верхний тон». Основанием служил лист, подшитый в конце журнала.

— Кто распорядился? — спросила Мира.

— Комиссия по безопасности. Весной проверяли, как молодёжь запоминает правила перехода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.